

Иван Иванович Лажечников. Заметки для биографии Белинского

 Книга: И.И.Лажечников.

"Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания"

Издательство "Советская Россия", Москва, 1989

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 1 ноября 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Там одной незаметной могилы, {420}
 Где уснули великие силы,
 Мне хотелось давно поискать.

Посвящая несколько страниц памяти одного из самых замечательных деятелей в нашей литературе, я должен оговориться, почему в длинном вступлении к моей статье я говорю о многом, что попадалось мне в цепи моих воспоминаний, и почти ничего о Белинском. Причина этому следующая: статья эта извлечена из моих памятных записок и в каком виде в них находилась, в таком ее представляю, исключая дополнения, необходимо требовавшие себе места в ней, когда я ее переписывал, и неминуемые обрезки, которые по многим причинам не могут еще увидеть свет (например, описание состояния Казанского университета в 1820-25 годах{420}). Я пожалел исключить длинное вступление, потому что оно обрисовывает время, когда ум и сердце Белинского начало тревожить все, что он видел, слышал и читал. Это время было оселком для врожденного критического такта его, развившегося впоследствии так художественно.

I

В конце 1820 года был я определен директором училищ Пензенской губернии.

Я приехал в Пензу поздно вечером и остановился на постоялом дворе. Желая застать училище без приготовления, я никому не дал знать о своем приезде. Хозяин двора не понимал даже, что такое за лицо директор училищ. Обыкновенно, как въезжает в заставу вновь определенная власть, управляющая или ревизирующая, например, председатель какой-нибудь палаты, обер-форштмейстер (я разумею тогдашних, которые в два, три года наживали себе большие состояния, находя готовые клады, не охраняемые никакими духами, в лесах, преимущественно корабельных), чиновник особых поручений из Петербурга, не говорю уж о губернаторе, - когда въезжает в заставу такая власть, даже за несколько станций от города, уже в городе чутьем слышат персону. Все там, от мала до велика, приходит тогда в неопisanное волнение, как бы в муравейник ткнули палкой. Не мудрено: с этими властями связаны жители видимыми и невидимыми нитями интереса. Но начальник училищ чужд этих интересов. В нем не имеют нужды ни полиция, ни откупщик, ни тяжущиеся за твое и мое, ни подсудимые, ни даже члены общества, играющие по большой. А в провинции и эта последняя несостоятельность шибко роняет человека! Кому до него дело, кроме бедных учителей, да разве двух, трех чадолюбивых родителей из числа сотен, отдающих свое детище на выучку в училище...*

* Здесь автором выпущено несколько строк.

Спустясь на более низшую ступень, расскажу еще один случай, приблизительно выражающий почет, каким пользовались тогда наставники юношества. Извините, и тут не минуя отступлений.

В 1822 г. возвращался я в Пензу из Саратовской губернии, куда послан был визитатором тамошних училищ. В голове и сердце моем толпились еще свежие, отрадные воспоминания о Сарепте{421} и вообще о колониях тамошнего края, попадавших мне в пути. Везде видел я поля, прекрасно обработанные, леса, не только сбереженные, но и выхоленные, опрятность в домах, храмы божий и училища в каждой колонии, грамотность, ремесленность, сильно развитую, трудолюбие, строгую нравственность в семействах. Едешь на почтовых, сейчас угадаешь, кто тебя везет, колонист или русский мужичок. У первого лошади сыты и сбережены, сбруя на них кожаная, хорошо смазана; сам возчик в чистом, крепком кафтане, едет доброй, законной рысью, которую не прибавит ни за угрозы, ни за деньги. У другого лошади сбиты, иногда в язвах, по которым он, для поощрения своего живота, а иногда для собственной потехи, метко бьет кнутом; сбруя в уздах; иногда он едет так тихо, как будто ждет русского словца с подзатыльником, или за водку готов уморить лошадей. В колониях на праздник слышны духовные песни, стариков и молодых застаешь за чтением священных книг, на вечеринках соблюдается приличие; девушка зарделась бы от стыда, если бы повеса осмелился сказать при ней непристойное слово, да и отец и родственники явились бы перед судом пастора грозными обличителями в оскорблении ее стыдливости. Что ж видел я в наших русских деревнях? Курные избы, в них свиньи и бараны сбивают вас с ног, нечистота, грязь, рядом с иконами безобразные картинки с Спасского моста, все это